

DOI: 10.15643/libartrus-2017.4.1

«Возмутительная речь»: Борис Николаевич Чичерин и коронация Александра III

© М. Н. Крот

Южный федеральный университет

Россия, 344006 г. Ростов-на-Дону, улица Большая Садовая, 105/42.

Email: mnkrot@sfedu.ru

Статья посвящена значимому эпизоду общественно-политической деятельности известного русского ученого Бориса Николаевича Чичерина, связанному с его пребыванием в должности московского городского головы, и речью, произнесенной им во время коронационных торжеств в мае 1883 г. Данный сюжет анализируется в контексте трансформации взаимодействия власти и общества, происходившей в России в начале 80-х гг. XIX в., в условиях все более острого перехода самодержавия к консервативно-охранительной модели политического развития. В статье рассматривается деятельность Б. Н. Чичерина на посту московского городского головы, освещаются особенности его отношений со стоящими над ним властями, ярко демонстрировавшие черты его характера и представления об общественной службе. Центральный сюжет статьи связан с коронацией Александра III и речью, произнесенной московским городским головой, которая вызвала резко отрицательную реакцию властей и привела в итоге к отставке ее автора. В статье анализируется содержание этой речи, обстоятельства и мотивы, побудившие Б. Н. Чичерина высказаться, а также события, развернувшиеся после ее произнесения. Автор стремится показать, что не столько содержание, сколько сам факт произнесения речи, не вписывавшейся в новую модель взаимодействия власти и общества, привел к ее грубому искажению и отставке Б. Н. Чичерина, положившей конец его общественной деятельности.

Ключевые слова: *Российская империя, XIX век, Б. Н. Чичерин, московский городской голова, общественность, Александр III, коронация 1883 г., консерватизм, диалог власти и общества.*

Смена людей, стоящих у кормила власти в России, во все времена сопровождалась ожиданием перемен, преобразований, обновления политической и общественной жизни. Фигура нового главы государства воплощала в себе надежды и чаяния представителей самых разных слоев общества. В XIX в. российские монархи, вступая на престол, уже не могли избежать своеобразного диалога с обществом, проходившего опосредованно, характер и тональность которого всецело зависела от самодержавной воли. И если власть могла заявить о своих намерениях открыто при помощи манифестов и публичных заявлений царей, то возможности общества высказать свои ожидания были очень ограниченными. Они сводились к разного рода петициям, где среди поздравлений и выражений верноподданнических чувств в завуалированной форме могли демонстрироваться определенные общественные ожидания, газетным публикациям, вынужденным в условиях цензуры пользоваться эзоповым языком, и салонным дискуссиям, содержание которых через личные источники доходило до монарха. И лишь немногие представители общественности решались на публичное выражение своих взглядов и ожиданий. В этом контексте публичная речь известного ученого и общественного деятеля Бориса Николаевича Чичерина, произнесенная им во время коронационных торжеств в Москве в мае 1883 г., а также ее последствия представляют собой яркий пример того, какой характер

мог приобретать этот «диалог», если его содержание по каким-либо причинам становилось неуютно верховной власти.

Борис Николаевич Чичерин – крупный ученый, историк, правовед, профессор Московского университета, общественный деятель, признаваемый в современной научной литературе «наиболее ярким представителем либерально-консервативного направления русской общественной мысли» [10, с. 12, 21]. На протяжении всей жизни он был убежден в благотворности для любого политического режима сотрудничества с общественными силами, в прямом диалоге власти и общества. Еще в 1861 г. в своей вступительной лекции по государственному праву он утверждал: «Была пора, когда правительство делало и направляло все. Этим достигалась известная степень государственного могущества, общественного порядка и благосостояния; но далее известных пределов это идти не может. Для большего могущества, для высшего развития и благосостояния нужны новые силы, нужна энергия целого народа» [13, с. 29].

Именно данной идеей руководствовался Борис Николаевич, стремясь всецело содействовать государственным органам и приносить реальную пользу обществу, работая в земских учреждениях. Активная работа Чичерина в земских органах Кирсановского уезда Тамбовской губернии, а затем и в Тамбовском губернском земстве дала ему ценный опыт общественной деятельности [6, с. 148].

В декабре 1881 г. Б. Н. Чичерин был избран московским городским головой. Его выдвижению на ответственный и почетный пост главы Москвы активно способствовали знакомые и друзья ученого – князь А. А. Щербатов, Д. Ф. Самарин, крупный предприниматель В. Д. Аксенов, пользовавшиеся в Думе большим авторитетом. В нем они видели опытного и честного хозяйственника, имевшего большой стаж работы в Тамбовском губернском земстве. Помимо этого, Чичерин был компромиссной фигурой, способной примирить дворянскую и купеческую группировки, издавна соперничавшие в московском городском управлении.

Сам Борис Николаевич без колебаний принял предложение своих друзей, желая испытать свои силы на таком ответственном поприще. Он считал, что должность московского городского головы «была самая видная выборная должность в России, должность, облеченная доверием, независимая и почетная» [3, с. 167]. Принимая во внимание некоторые черты характера ученого, стремившегося «служить, а не прислуживаться», можно с уверенностью сказать, что именно относительная независимость данной должности привлекала его в наибольшей степени.

На посту московского городского головы Борис Николаевич в полной мере проявил свойственную ему распорядительность и хозяйственность. По инициативе Чичерина московская городская Дума приняла решение о заключении первого в ее истории облигационного займа на сумму 3 млн. рублей, что положило начало программе создания муниципальных предприятий за счет облигационных займов [2]. Займ был осуществлен во многом благодаря безупречной репутации городского головы, известного своей кристальной честностью и чистоплотностью в финансовых вопросах. Именно при нем было завершено многолетнее строительство храма Христа Спасителя, освященного во время коронационных торжеств в мае 1883 г.

Много сделал Чичерин и для увеличения доходов городской казны. По его инициативе было принято решение об увеличении обложения промышленных и торговых заведений и начата разработка налога на квартирантов. При осуществлении последней меры городской голова руководствовался не только финансовыми соображениями, но и стремлением существенно расширить состав городских избирателей, стать которыми могли лишь налогоплательщики.

Однако для занятия должности городского головы одной хозяйственности честности и трудолюбия было мало. Было необходимо умение находить общий язык с властью предрержащими, подлаживаться под их волю, зачастую идя на компромиссы с совестью. Обладающий глубоким чувством собственного достоинства, прямой и довольно резкий в общении Чичерин был лишен этих качеств, столь необходимых для успешной политической карьеры во все времена. Философ Е. Н. Трубецкой, хорошо знакомый с Чичериным, вспоминал, что «малейший знак внешней зависимости от кого бы то ни было казался ему невыносимым», вследствие чего, любая служба, неизбежно связанная с компромиссами, была совершенно несовместима с его нравственным обликом. «Мог ли служить человек, для которого даже ношение ордена казалось компромиссом с совестью?» [11].

Во многом благодаря этому у Бориса Николаевича с самого начала его деятельности не сложились отношения с московским генерал-губернатором князем В. А. Долгоруковым, видевшем в городском голове опасного вольнодумца и либерала. Необходимо упомянуть и об острой взаимной антипатии Чичерина с редактором ведущего консервативного издания «Московские ведомости» М. Н. Катковым, мнение которого имело огромное значение как в московских, так и в высших правительственных кругах.

Особое недовольство властью предрержащих вызывали публичные заявления Чичерина, в которых он настойчиво проводил мысль о необходимости расширения прав общественности, его сотрудничестве с верховной властью в деле совершенствования всех сфер жизни, о преодолении властного недоверия к общественным кругам. При вступлении в должность городского головы в начале 1882 г. Борис Николаевич подчеркивал, что «придет время, когда само правительство, видя в нас не элементы брожения, а охрану порядка, почувствует потребность расширить тесный круг местного самоуправления и ввести общественное начало в общий строй русской государственной жизни» [3, с. 173]. Подобные же мысли были высказаны им и 12 января 1883 г. в речи перед студентами Московского университета во время празднования Татьянина дня, который во второй половине XIX в. превратился в общероссийский студенческий праздник. Это было торжество, широко выходящее за академические стены университетов, во время которого легально произносили смелые, порой оппозиционные речи, укреплялось единство студенчества и передовой профессуры, что вызывало обеспокоенность властей [9, с. 109–110].

Информируя об этой речи Министерство внутренних дел, московский генерал-губернатор назвал ее «не соответствующей званию городского головы», хотя даже М. Н. Катков указывал, что она была направлена на отстаивание «консервативных начал» и не призывала ни к каким преобразованиям [5, с. 776].

Коронация Александра III, проходившая в Москве в мае 1883 г., отличавшаяся особым размахом и пышностью, была призвана продемонстрировать непоколебимость монархии, оживить органические узы, связывавшие нового царя с народом, со всей Россией и ее великим прошлым. По мнению современного американского исследователя Р. Уортмана, характер этого торжества был призван подчеркнуть возвращение власти к национальным истокам, подтвердить национальную идентичность русского императора, обратившись к допетровскому прошлому [12, с. 302]. Об этом свидетельствует активная эксплуатация темы московской старины в сопровождавших коронацию музыкальных и театральных постановках [7]. Торжественность и величие церемоний и празднеств оказали огромное впечатление на представителей самых различных групп российского общества, участвовавших в них. О дол-

гожданной встрече лицом к лицу народа и царя, но не в противостоянии, а в единении, в восторженных и даже экзальтированных тонах писал славянофил Иван Аксаков: «Два Лица, два гиганта только и стояли сегодня друг перед другом: Царь и Народ, Народ и Царь, и творили вместе великое дело истории. Стоном стонала земля от восторгов народных. Это она заговорила, Святая Русь!» [1, с. 118].

Однако лишь немногие могли разглядеть за фасадом внешней пышности и всенародного восторга его искусственный, тяжеловесный официально-показной характер, в котором не было места живому, искреннему чувству. Б. Н. Чичерин, на плечах которого как главы города лежали огромная ответственность и масса обязанностей по организации торжеств, в своих воспоминаниях описывавший великолепие и волнующую торжественность исторического момента, как тонкий наблюдатель увидел и другое. Торжества при всем их великолепии не оставляли никакой надежды на будущее обновление страны, на перемены, в них не было той живой струи, которая ощущалась во время коронации Александра II [8, с. 131]. Борис Николаевич с разочарованием подчеркивал, что «коронация Александра III была официальным обрядом, а не живым действием, соединяющим царя и народ в единой мысли едином чувстве. Несмотря на весь блеск и великолепие, она оставила тяжелое чувство... Внешняя удача коронационных празднеств утверждала только ту бездушную систему управления, которая водворилась в России» [3, с. 239–240].

Эта потребность в «разумном, живом слове» среди бесконечных «официозных пошлостей» и побудила Чичерина выступить с речью на обеде, данном 16 мая 1883 г. в честь городских голов, съехавшихся в Москву со всей страны. Данная речь породила множество инсинуаций и мистификаций, жертвами которых до нашего времени остаются некоторые исследователи жизни и деятельности Б. Н. Чичерина, продолжающие утверждать, что в ней ученый в завуалированной форме высказывал «конституционные идеи». Такой характер выступления, казалось бы, в полной мере подтверждается реакцией властей, которые в лице министра внутренних дел графа Д. Толстого вечером того же дня особым циркуляром под страхом административной приостановки издания строжайше запретили всем московским и петербургским газетам упоминать об этом обеде и любых произносимых там речах [11, с. 2–3].

Сразу необходимо отметить, что суть конфликтной ситуации заключалась не столько в борьбе консервативных сил, окружавших монарха, против любого проявления конституционных настроений, сколько в достаточно неприглядной и грубой интриге, при помощи которых недоброжелатели во властных сферах избавились от неудобного для них во многих отношениях городского головы. Содержание выступления было откровенно сфальсифицировано и выставлено перед властью в негативном свете. Об этом свидетельствует сопоставление текста, приводимого самим Борисом Николаевичем и переданного императору, а спустя короткое время без ведома автора опубликованного отдельной брошюрой за границей [3, с. 234–236; 11], и материалов, приводимых зарубежными газетами, чьи корреспонденты отсутствовали на упомянутом обеде и черпали сведения из вторичных – явно недоброжелательных к Чичерину – источников [5, с. 778–779]. Сам Борис Николаевич, который был вполне здравомыслящим человеком, впоследствии резонно указывал, что высказывать оппозиционные идеи во время коронационных торжеств, распорядителем и организатором которых был он сам, было бы совершенно неуместно [3, с. 236]. Так что же было сказано Б. Н. Чичериным на самом деле?

В начале своего выступления, говоря о значении встречи городских голов, оратор выразил желание, чтобы «нынешнее собрание не прошло бесследно, чтобы оно было началом объ-

единения земских людей на пользу Отечества. Это единение составляет насущную нашу потребность...» [11, с. 19]. Чичерин упомянул о трудных временах, которые страна пережила на рубеже двух царствований, о «внутреннем зле», вербуящем своих сторонников из «недоучившейся молодежи, сбитой с толку и развращенной нелепыми учениями», бороться с которым правительство в одиночку не в состоянии. Оратор уверенно заявлял – правительству «нужно содействие общества» в борьбе против врагов общественного порядка [11, с. 20]. Упомянув выражение Петра Великого, сравнивавшего Россию с «рассыпанной храминой», требующей руки зодчего, городской голова также указал на разобщенность общественных сил в современной ему России. Он подчеркнул, что «старая Россия была крепостная, и все материалы были страдательными орудиями в руках мастера; нынешняя Россия – свободная, а от свободных людей требуется собственная инициатива и самодеятельность» [11, с. 21]. Предполагая, что данная речь может быть истолкована «врагами свободных учреждений» как крамольная, ее автор особо отметил, что общественные силы должны объединяться чувством верности престолу и любви к Отечеству (фраза про верность престолу, произнесенная Чичериным, отсутствует в заграничной публикации его речи и во всех позднейших публикациях). «Мы не становимся в оппозиционное отношение к правительству, мы не требуем себе прав», – подчеркивал Чичерин. Он заявлял, что общественные силы готовы спокойно ожидать, «когда сама власть признает необходимым наше содействие», и выражал уверенность, что это ожидание не может быть долгим [11, с. 22–23]. В заключении своего спича Борис Николаевич торжественно заявил, что Россия сможет выдержать все внешние и внутренние испытания только будучи внутренне соединенной, явив миру «новые силы духа, не только те, которые возбуждаются действием сверху, но и те, которые вызываются в народе внутренним, живым движением свободы» [11, с. 23].

В осторожных и сдержанных выражениях городского головы о единении общественных сил перед лицом «врагов общественного порядка» с большим трудом можно усмотреть «требование Конституции», а именно это и было поставлено ему в вину. Министр государственных имуществ М. Н. Островский, ознакомившись со списком речи, утверждал, что в ней не было ничего такого, что бы могло «подать повод в обвинении в заявлении каких-либо, с видами правительства несогласных требований», не говоря уже о конституционных заявлениях [3, с. 236]. П. Б. Струве впоследствии называл речь Чичерина «замечательной, сдержанной, умеренной и консервативной», но которая не могла прийтись по душе реакционным силам, обладавшим в стране [10].

Однако совершенно иное впечатление от выступления московского городского головы складывается при ознакомлении с версией его речи, переданной некоторыми зарубежными периодическими изданиями. М. Н. Катков на страницах «Московских ведомостей» приводил выдержки из австро-венгерских и французских газет, которые весьма вольно передавали текст речи. Венские и парижские издания с некоторыми разночтениями указывали, что Чичерин якобы заявил следующее: «Власть уже не там, где была когда-то; она принадлежит нам, представителям народа. Без нас государство уже не может устанавливать наши административные учреждения. В этой области только мы, представители народа, должны определять земство и направление его работы» [5, с. 779]. Очевидно, что это совершенно иная тональность, характер которой позволил газетам назвать ее «декларацией человеческих прав», «требованием Конституции» и «изменническим делом», свидетельствующим о «надломленном положении дел в России» [5, с. 779]. Катков, приводивший эти фрагменты, относился к ним будто бы с недоверием (звучащим довольно фальшиво), недоумевая при этом, почему разные

издания сходным образом передавали текст речи, а также напоминая о том, что подобные идеи московский городской голова уже высказывал в выступлении при занятии своей должности. Этими замечаниями редактор «Московских ведомостей» в завуалированной, но очевидной форме стремился убедить публику, что речь имела именно тот характер, о котором писали иностранные издания. Чичерин был невероятно возмущен явным искажением его слов, разослав текст своей речи целому ряду лиц, в том числе императору, а также выступив на страницах газеты Аксакова «Русь» с опровержением. Однако переубедить тех, кто хотел выставить его «сторонником конституционализма», дерзнувшем требовать конституции в момент священного праздника коронации, общественный деятель, разумеется, не смог.

Сам Борис Николаевич, а также анонимный автор зарубежной публикации его речи указывали, что завязка интриги была делом рук генерала Е. В. Богдановича, старосты Исаакиевского собора, присутствовавшего на обеде и сообщившего Д. Толстому искаженный текст речи [3, с. 237; 11, с. 3–4]. Министр внутренних дел, настроенный крайне враждебно по отношению к любой общественной инициативе и самому Чичерину, приложил все силы для того, чтобы выставить его выступление как «предерзостное и возмутительное» требование Конституции. Борис Николаевич утверждал также, что эта интрига произошла не без участия недолголюбивавшего его московского генерал-губернатора Долгорукого.

Так или иначе, но цель интриги была достигнута полностью. Московский городской голова был представлен как опасный либерал, осквернивший своей «возмутительной» речью коронационные торжества, возбуждавший «столько же антиправительственную, сколько и чуждую народу агитацию» [5, с. 779]. В конце июля 1883 г. Чичерин получил письмо от московского генерал-губернатора, в котором его уведомили, что «Государь Император, находя образ действий доктора права Чичерина несоответствующим занимаемому им месту, соизволил выразить желание, чтобы он оставил должность московского городского головы» [3, с. 242]. Ответа на письмо Александру III, в котором Чичерин обстоятельно объяснил смысл и мотивы своего выступления, не последовало. Борис Николаевич был отправлен в отставку без какого-либо объяснения причин. Друг Бориса Николаевича и коллега по работе в университете и Думе, профессор В. И. Герье писал по этому поводу: «Избранника первопрестольного города удалили, не потребовав и даже не приняв во внимание его объяснения. Это был акт голый власти, умеющей не управлять, а только заигрывать и карать» [4, с. 165]. Большинство членов Московской думы были возмущены этой унижительной отставкой и демонстративно преподнесли ушедшему голове звание почетного гражданина города Москвы. Вполне осознавший, что «правительство вовсе не нуждается в порядочных людях», Борис Николаевич больше не возвращался к общественной деятельности, посвятив два последних десятилетия своей жизни научному труду.

После некоторых колебаний, вызванных потрясением от трагических событий 1 марта 1881 г., в последующие годы российское самодержавие все увереннее становилось на путь консервативно-охранительного развития. В этих условиях возможность для живого диалога между властью и обществом, открытого выражения надежд и ожиданий, связанных с приходом к власти нового монарха, была фактически сведена к нулю. Пышная коронация, проводившаяся в ярко выраженном национальном духе, должна была продемонстрировать отказ от европейской модели политического развития и возвестить своеобразный возврат к «московскому самодержавству», олицетворением которого должен был стать новый царь. Речь и сама фигура московского городского головы откровенно выбивались из той новой модели

«взаимодействия» власти и общества, где последнему отводилась роль восторженного наблюдателя и объекта державной воли.

В своем выступлении Борис Николаевич Чичерин исходил из одной неверной посылки, убежденность в которой и сыграла с ним злую шутку. Он заявлял, что «нынешняя Россия – свободная страна», а от «свободных людей требуется собственная инициатива». Все последовавшие за этими словами события должны были убедить его совершенно в обратном. Самодержавная власть отталкивала от себя даже лояльно настроенных по отношению к ней общественных деятелей, ставя их в невольную оппозицию существующему в России режиму. Эта тенденция продолжилась и еще более усилилась в царствование Николая II, что привело к стремительному сужению социальной и идейной опоры самодержавия в России, предопределившему его трагический финал.

Статья подготовлена в рамках исследования «Модернизация России: исследовательский опыт и образовательные практики» при финансовой поддержке гранта Южного федерального университета (ЮФУ) (проект № ВнГр-07/2017–16).

Литература

1. Аксаков И. С. *Сочинения*. М.: Тип. Волчанинова, **1886**. Т. 5. Государственный и земский вопрос. С. 675.
2. Вдовин С. Е. Б. Н. Чичерин и Московская городская дума. URL: http://www.rusliberal.ru/full/publikacii_dokladi/b_n_chicherin_i_moskovskaya_gorodskaya_duma/.
3. *Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Земство и Московская дума*. М.: Север, **1934**. С. 372.
4. Иванова Т. Н. Б. Н. Чичерин и В. И. Герье: научное содружество двух историков // *Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки*. **2010**. №3–1. С. 158–168.
5. Катков М. Н. Речь г. Б. Н. Чичерина // *Собрание сочинений в шести томах. Т. 2. Русский консерватизм*. СПб.: Росток, **2011**. С. 896.
6. Кокорев А. С. Б. Н. Чичерин как общественный деятель // *Вестник ТГУ*. **2003**. №2. С. 147–151.
7. Комаров В. В. *В память священного коронования Государя императора Александра III и Государыни Императрицы Марии Федоровны*. СПб.: Тип. В. В. Комарова, **1883**. С. 469.
8. Krot M. N., Zav'lova O. O. Reflection in Russian public opinion accession to the throne of Emperor Alexander II // *Былые годы. Российский исторический журнал*. **2016**. №1 (39). С. 129–136.
9. Морозов О. В. Vivat Academia – Pereat Diabolus: 150-летие Императорского Московского университета накануне Первой русской революции // *Новое прошлое*. **2016**. №2. С. 107–120.
10. Пустарнаков В. Ф. Либеральный консерватизм и либерализм в России XIX – начала XX в.: различия и сходства // *Либеральный консерватизм: история и современность*. М.: РОССПЭН, **2001**. С. 11–29.
11. *Речь Б. Н. Чичерина – московского городского головы, 16-го мая 1883 г.: Эпизод из коронации в Москве*. Berlin: Behr (E. Vock), **1883**. С. 23.
12. Струве П. Б. Б. Н. Чичерин и его место в русской образованности и общественности. URL <http://www.mnemosyne.ru/library/struve-3.html>.
13. Трубецкой Е. Н. Воспоминания. URL http://www.golden-ship.ru/load/zhitija/vospominanija_trubeckoj_e_n/3-1-0-1751.
14. Уортман Р. С. *Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии*. М.: ОГИ, **2004**. Т. 2. От Александра II до отречения Николая II. С. 796.
15. Чичерин Б. Н. Вступительная лекция по государственному праву, читанная в Московском университете 28 октября 1861 года // *Несколько современных вопросов*. М.: Государственная публичная историческая библиотека России, **2002**. С. 265.

Поступила в редакцию 24.05.2017 г.

После доработки – 28.07.2017 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2017.4.1

“Outrageous Speech”: Boris Chicherin and the Coronation of Alexander III

© M. N. Krot

*Southern Federal University
105/42 Bolshaya Sadovaya Street, 344006 Rostov-on-Don, Russia.*

Email: mnkrot@sfedu.ru

The article devoted to the significant episode of the socio-political activity of the famous Russian scientist B. N. Chicherin associated with his tenure as a mayor of Moscow and the speech delivered by him during the coronation festivities in May 1883. This subject is analyzed in the context of the transformation of the interaction between the authorities and society that took place in Russia in the early 80s of the 19th century in conditions of increasingly perceptible transition of autocracy to conservative-protective models of political development. The author of the article considers the mood that prevailed in social circles after the death of Alexander II, briefly reviews the program of the political development of the country proposed by B. N. Chicherin to exit from the deep crisis in which the autocratic power was at the turn of 1870–1880s. Particular attention is paid to the activities of B. N. Chicherin as the Moscow mayor and the nature of his relations with the government, as they clearly demonstrate the traits of his character and the idea of public service. The studied speech caused a negative reaction of the authorities that eventually led to the resignation of its author and put an end to his public activities. The article analyzes the content and context of the speech, Chicherin’s motives, and the following events. The author of the article pointed out that not only the content, but also the fact of pronouncing speech itself did not fit the established model of interaction between the authorities and society.

Keywords: Russian Empire, 19th century, B. N. Chicherin, Moscow mayor, public, Alexander III, coronation of 1883, conservatism, dialogue of authorities and society.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Krot M. N. “Outrageous Speech”: Boris Chicherin and the Coronation of Alexander III // *Liberal Arts in Russia*. 2017. Vol. 6. No. 4. Pp. 289–297.

References

1. Aksakov I. S. *Sochineniya [Works]*. Moscow: Tip. Volchaninova, 1886. Vol. 5. Gosudarstvennyi i zemskii vopros. Pp. 675.
2. Vdovin S. E. B. N. Chicherin i Moskovskaya gorodskaya дума. URL: http://www.rusliberal.ru/full/publikacii_dokladi/b_n_chicherin_i_moskovskaya_gorodskaya_duma/.
3. *Vospominaniya Borisa Nikolaevicha Chicherina. Zemstvo i Moskovskaya дума [Memoirs of Boris Nikolayevich Chicherin. Zemstvo and Moscow Duma]*. Moscow: Sever, 1934. Pp. 372.
4. Ivanova T. N. B. N. Chicherin i V. I. Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki. 2010. No. 3–1. Pp. 158–168.
5. Katkov M. N. Rech' g. B. N. Chicherina. *Sobranie sochinenii v shesti tomakh. Vol. 2. Russkii konservatizm*. Saint Petersburg: Rostok, 2011. Pp. 896.
6. Kokorev A. S. B. N. Vestnik TGU. 2003. No. 2. Pp. 147–151.
7. Komarov V. V. *V pamyat' svyashchennogo koronovaniya Gosudarya imperatora Aleksandra III i Gosudaryni Imperatritsy Marii Fedorovny [In memory of the Sacred Coronation of Emperor Alexander III and Empress Maria Fedorovna]*. Saint Petersburg: Tip. V. V. Komarova, 1883. Pp. 469.
8. Krot M. N., Zav'lova O. O. *Bylye gody. Rossiiskii istoricheskii zhurnal*. 2016. No. 1 (39). Pp. 129–136.
9. Morozov O. V. *Novoe proshloe*. 2016. No. 2. Pp. 107–120.
10. Pustarnakov V. F. *Liberal'nyi konservatizm: istoriya i sovremennost'*. Moscow: ROSSPEN, 2001. Pp. 11–29.

11. Rech' B. N. Chicherina – moskovskogo gorodskogo golovy, 16-go maya 1883 g.: Epizod iz koronatsii v Moskve [*Speech of the Moscow mayor B. N. Chicherin on May 16, 1883: the episode of the coronation in Moscow*]. Berlin: Behr (E. Bock), **1883**. Pp. 23.
12. Struve P. B. B. N. Chicherin i ego mesto v russkoi obrazovannosti i obshchestvennosti. URL <http://www.mne-mosyne.ru/library/struve-3.html>.
13. Trubetskoi E. N. Vospominaniya. URL http://www.golden-ship.ru/load/zhitija/vospominaniya_trubeckoj_e_n/3-1-0-1751].
14. Wortman R. S. *Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoi monarkhii* [*Scenarios of authority. The myths and ceremonies of Russian monarchy*]. Moscow: OGI, **2004**. Vol. 2. Ot Aleksandra II do otrecheniya Nikolaya II. Pp. 796.
15. Chicherin B. N. *Neskol'ko sovremennykh voprosov*. Moscow: Gosudarstvennaya publichnaya istoricheskaya biblioteka Rossii, **2002**. Pp. 265.

Received 24.05.2017.

Revised 28.07.2017.